

Ансильон Ф.

**Изображение переворотов в
политической системе
европейских государств, с
исхода пятнадцатого столетия**

Том II

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 304
ББК 60.5

Ансильон Ф.

Изображение переворотов в политической системе европейских государств, сисхода пятнадцатого столетия: Том II / Ансильон Ф. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 402 с.

ISBN 978-5-4241-5627-4

ISBN 978-5-4241-5627-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

шагу; но причины, которыя могутъ измѣнить истину, разнообразны и дѣятельны; начинаются подозрѣнія, недовѣрчивость къ другимъ и къ самому себѣ; безкорыстное перо почитаютъ подкупленнымъ, и вездѣ видятъ, или думаютъ видѣть, жалкія слѣдствія духа системы и партіи.

Чѣмъ рѣже извѣстныя качества, тѣмъ болѣе ихъ изыскиваютъ; чѣмъ менѣе обладающій ими къ нимъ привязанъ, тѣмъ болѣе ихъ цѣнятъ: такъ объ отсутствующихъ всегда говорятъ болѣе. Въ ту эпоху, когда у какого-нибудь народа нравы начинаютъ портиться, скромныя и стыдливыя выраженія высказываются съ какимъ-то особеннымъ пристрастіемъ, и когда сердца отвергаютъ всѣ благородныя, общественныя страсти, тогда всѣ кричатъ о патриотизмѣ; характеры твердые, души благородныя, дѣлаются истинными феноменами. И теперь, когда политическія мнѣнія раздѣлили людей, (какъ прежде раздѣляли религіозныя мнѣнія), каждый писатель самъ объявляетъ себя безпристрастнымъ, а всѣхъ, не принадлежащихъ къ его партіи, обвиняетъ въ пристрастіи. Хорошо еще, если бы всякій прибѣгалъ къ безпристрастію, какъ, напримѣръ, во время голода всякій просить хлѣба: въ такомъ случаѣ эти люди вдругъ выказывали бы сожалѣніе, желаніе и безсиліе; но забавно, что, пораженные эпидемическою и заразительною болѣзнію, сами себѣ даютъ при-

вилегин на здоровье, а других осуждают на строгій карантинъ.

Посреди такихъ взаимныхъ обвиненій, которыя заставляютъ недоумѣвать, кто правъ, кто виноватъ; въ этомъ хаосѣ упрековъ и ненавистныхъ нареканий, идеи смѣшиваются, самыя простыя выраженія обращаются совершенно въ другую сторону, и никто не спроситъ себя: »Что же такое безпристрастіе?«. А вопросъ стоитъ отвѣта. Съ этимъ словомъ соединены идеи точныя; отъ него зависитъ вѣрность примѣненій; и если мы не опредѣлимъ его, то осудимъ другихъ безъ причины, или потребуемъ невозможнаго.

Въ тѣхъ наукахъ, которыя суть только развитіе небольшого числа главныхъ началъ, и основываются на доказательствахъ, достаточно логическаго горнила для отличенія золота отъ лигатуры, заблужденія отъ истины. Надобно только изслѣдовать: вѣрны ли первыя послылки силлогизма и справедливо ли заключеніе? Пристрастіе можетъ внушить писателю ложныя заключенія, но скрыть ихъ не въ состояніи; напротивъ: оно само измѣняетъ своей тайнѣ, и не опасно, потому что его слѣдствія поразительны и очевидны.

Въ наукахъ, основанныхъ на фактахъ, особенно въ Исторіи, гдѣ читатель не можетъ, какъ въ Физикѣ и Химіи, произвольно создавать факты и утверждать ихъ наблюденіями и новыми

опытами, познанія и безпристрастіе конечно необходимы для достовѣрности. Познанія освѣщаютъ предметъ; но къ чему послужить возможность представленія его въ настоящемъ видѣ, если не будетъ доброй воли? И къ чему, въ свою очередь, послужить желаніе быть истиннымъ, если, при недостаткѣ средствъ, нѣтъ самой истины?

Въ чемъ же состоитъ безпристрастіе, которое такъ свято наблюдаютъ нѣкоторые историки, другіе теряютъ его изъ виду, и которому, какъ добродѣтели, лицемѣрно поклоняются даже нарушители его законовъ? Какія характеристическія черты безпристрастія? Есть ли признаки, по которымъ можно было бы узнать его?

Обыкновенно говорятъ, что безпристрастіе требуетъ слѣдующихъ условій: рассказывать факты во всей ихъ цѣлости, представлять ихъ такими, какими они существуютъ на самомъ дѣлѣ, отънять ихъ свойственными имъ красками, но отнюдь не чуждыми, въ рассказѣ видѣть не историка, но событія.

Предметы, въ какомъ бы то родѣ ни было, существуютъ для насъ только въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются намъ. Мы не знаемъ, каковы они въ самихъ себѣ, независимо отъ нашего образа воззрѣнія; но мы знаемъ, каковы они, какъ существа, одаренныя извѣстными органами и извѣстными способно-

стями. Человѣкъ видитъ какъ человѣкъ, и иначе видѣть не можетъ; каждое недѣлимое чело-вѣческаго рода имѣетъ свой способъ воззрѣнія на предметы: этотъ способъ воззрѣнія есть слѣд-ствие того, что человѣкъ есть именно онъ, а не ктонибудь другой; вы не можете потребо-вать отъ него, чтобы онъ перемѣнилъ свою на-туру, или чтобы онъ отдѣлилъ себя отъ свое-го лица; каковъ бы ни былъ порядокъ фак-товъ, все они не существовали бы для него, если онъ ихъ не будетъ наблюдать, а наблю-даетъ онъ ихъ по своему. Говорятъ: душа есть зеркало дѣяній; но не во всѣхъ зеркалахъ пред-меты отражаются одинаково. Притомъ, это срав-неніе не совсѣмъ справедливо: душа не есть поверхность, на которой изображаются пред-меты, но сила, которая ихъ обнимаетъ и, об-нимая, измѣняетъ.

Чему мы научаемся изъ памятниковъ? Что передастъ намъ преданіе? Что доставляетъ намъ опытъ? Данныя, которыя будучи отдѣлены другъ отъ друга, не доставятъ ни удовольствія, ни поль-зы; отдѣльныя звенья, между которыми нѣтъ связи: это стихи Исторіи, но не Исторія; это камни и матеріалы, но не зданія. Что нужды знать, что Римъ построенъ въ такомъ-то году, что Цезарь убитъ въ такой-то день? Коль ско-ро я отдѣлю эти факты отъ событій, имъ пред-шествовавшихъ, или послѣдовавшихъ за ними, они для меня ни сколько не любопытны и не

полезны. Взаимная связь фактовъ, связь ихъ съ послѣднимъ событіемъ, которое вы избираете конечнымъ терминомъ вашего повѣствованія, составляетъ Исторію. Чувства никогда не производятъ такой связи; она есть слѣдствіе мысли, которая, по разсчету вѣроятностей, выбираетъ ее между всеми возможными связями. Фактъ можетъ одинъ быть связанъ съ другими фактами, или какъ дѣйствіе или какъ причина, тысячью различныхъ способовъ. Природа даетъ матерію; разумокъ cadaго недѣлимаго форму. Что побуждаетъ чловѣка давать предпочтеніе одной предъ другой? Его идеи о связи наклонностей, ходъ страстей, отличительныхъ признакахъ пороковъ и добродѣтелей; его основныя правила касательно нравственности дѣяній, свойства правительствъ, хорошихъ или дурныхъ слѣдствій общественныхъ учреждений — все это есть результатъ первоначальнаго впечатлѣнія, полученнаго имъ отъ природы, отъ своего темперамента, воспитанія, привычекъ? Неужели вы скажете, что онъ пристрастенъ, потому что представляетъ факты такъ, какъ самъ ихъ видитъ? А можетъ ли онъ видѣть ихъ иначе, можетъ ли онъ не руководствоваться при этомъ собственными идеями, и не подчинять ихъ своимъ основнымъ правиламъ? Это все равно, если мы скажемъ, что каменщикъ долженъ соединять камни безъ цемента, строить домъ

безъ желѣза, или производить работу на удачу, безъ всякаго рисунка.

Слѣдовательно нельзя отказываться отъ самого себя, уничтожать свои идеи и правила, видѣть безъ очковъ или безъ глазъ; главное, чтобы глаза были здоровы, или очки хороши. Идеи должны быть здравыя, умъ вѣрный; а безпристрастіе, какъ говорятъ, судить о дѣяніяхъ и людяхъ безъ предубѣжденія. Это второе опредѣленіе, съ перваго взгляду превосходящее первое, имѣеть двойной недостатокъ: оно представляетъ уму неопредѣленные выраженія, и не истощаетъ идеи, о которой идетъ рѣчь.

Что такое *предубѣжденіе*? Въ нашъ вѣкъ это слово подверглось странной судьбѣ, и, можетъ быть, эта судьба, подобно судьбѣ большей части людей, единственно зависитъ отъ того, что его худо поняли. Слово *предубѣжденіе* есть родъ тализмана, съ которымъ люди производятъ удивительныя дѣла; вооружась имъ, они не хотятъ не только опровергать, даже выслушивать мнѣній, подвергаемыхъ осужденію, въ одну минуту безславятъ твореніе вѣковъ, однимъ словомъ уничтожаютъ всѣ доводы, жестоко осмѣиваютъ людей и предметы, или обрекаютъ ихъ на вѣчное молчаніе; соперника удерживаютъ отъ труда защищать свои мнѣнія, а слушателей выслушивать ихъ, наконецъ самихъ себя опровергать ихъ. Съ этимъ магическимъ словомъ уничтожаютъ идеи другихъ; си-

лѣ придаютъ видъ слабости, а своей слабости приписываютъ честь силы. Но, не ослѣпяясь чудесами, производимыми словомъ *предубѣжденіе*, гораздо лучше предложить вопросъ: »что такое предубѣжденіе?«

Быть можетъ это давнишняя идея, которую передавали поколѣнія, которая доселѣ составляла общее сознаніе, разумъ, которой начало теряется въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ, и которая, въ этомъ отношеніи, пользуется какимъ-то умственнымъ благородствомъ? Но какъ ни удивительно кажется намъ самимъ настоящее состояніе человѣческаго разума, какъ ни блистательны свѣдѣнія осьмнадцатаго вѣка, мы не можемъ однако предположить, чтобы въ продолженіе тысячелѣтій люди такъ размышляли, что не уловили нѣсколькихъ здравыхъ идей, достойныхъ сохраненія, что теперь во всемъ должно начать новый трудъ мышленія, а наследство, завѣщанное намъ предками, выбросить какъ старую, негодную посуду. Впрочемъ, если должно себѣ припомнить, что все старое было прежде новымъ, то не лишнее также замѣтить, что все новое будетъ старымъ, и послѣ этого не разсуждать о предразсудкахъ идей, которыя имѣли свое достоинство, а теперь точно также виноваты, какъ нѣкогда будутъ виноваты наши любимцы, если ихъ фортуна не измѣнится. Вообще, если истина въ одномъ смыслѣ всегда нова, юна; то въ другомъ она

всегда стара; въ отношеніи многихъ предметовъ, должно пользоваться первыми истинными идеями, и готовые опыты почитать важнѣе опытовъ будущихъ.

Слово *предубѣжденіе*, быть можетъ, есть синонимъ слова: *заблужденіе*? Всякая ложная идея заслуживаетъ ли это названіе? Но заблужденіе не есть предубѣжденіе; предубѣжденіе, на оборотъ, не есть заблужденіе: всякое ложное сужденіе есть заблужденіе, ошибка; всякое сужденіе, не подвергнутое изслѣдованію, есть предубѣжденіе. Заблужденія или ошибки происходятъ отъ частнаго, несовершеннаго, ложнаго возрѣнія, отъ предмета, котораго они касаются; они зависятъ отъ несоединенія всѣхъ стихій расчета, или отъ погрѣшностей, вкравшихся въ самый расчетъ. Предубѣжденіе зависитъ отъ размышленій, чуждыхъ предмету, о которомъ мы судимъ, несогласныхъ съ доказательствами, которыя бы должно было извлечь изъ самаго предмета.

И такъ предубѣжденіе, предразсудокъ, не есть заблужденіе или ошибка. Истина, принятая безъ всякаго изслѣдованія, есть ничто иное какъ заблужденіе въ умѣ многихъ. Умъ подвергался бы менѣе ошибкамъ, еслибы болѣе сохранялъ предубѣжденія. Если бы онъ не развивалъ самъ собою здравыхъ идей, онъ бы ему не принадлежали, но все были бы для него полезны. Отсюда и слѣдуетъ заключить, что

предубѣжденіе дурно только сравнительно съ истинами, пріемлемыми просвѣщеннымъ разумомъ со всѣми ихъ доказательствами, что никто не изъять отъ предубѣжденія, и что всего опаснѣе полагаться на авторитетъ тѣхъ писателей, которые, хваля свой вѣкъ, хвалятъ сами себя, и на свидѣтельство тѣхъ угодливыхъ друзей, которые, по какому-то рѣдкому счастью, совершенно освобождены отъ всякаго предубѣжденія.

Замѣнимъ же неопредѣленное слово: *предубѣжденіе*, *предразсудокъ*, словомъ: *ложная идея* въ опредѣленіи историческаго безпристрастія, и скажемъ, что это безпристрастіе состоитъ въ томъ, чтобы видѣть факты, связывать ихъ между собою и судить объ нихъ по идеямъ вѣрнымъ и здравымъ, по истиннымъ началамъ права, нравственности, политики и философіи.

При всей простотѣ объясненія такихъ идей очевидно, что наше опредѣленіе не совершенно освобождаетъ насъ отъ произвольнаго и неопредѣленнаго. Основныя начала наукъ нравственныхъ и политическихъ еще не достигли той степени ясности, которая бы доставила имъ общее одобреніе людей здравомыслящихъ: вѣроятно, что онѣ никогда не достигнутъ этого, или по причинѣ своей отвлеченности, или отъ несовершенства языковъ. Вотъ причина изумительнаго разнообразія мнѣній и исключительной привязанности большей части людей

къ своему собственному мнѣнію; вотъ причина противоположности сужденій о безпристрастіи уважаемыхъ историковъ. Убѣжденные въ истинѣ своихъ основныхъ правилъ, они примѣнили ихъ къ фактамъ, и воображаютъ, что судятъ объ нихъ безпристрастно; но они же возбуждаютъ противъ себя тѣхъ, которые руководствуются другими правилами, и которые обвиняютъ ихъ въ пристрастіи. Это зависитъ отъ того, что большая часть привязанныхъ фанатически къ своимъ идеямъ, подозреваютъ въ недобросовѣстности своихъ противниковъ и великодушно предполагаютъ, что они отличаются отъ нихъ языкомъ, а не мнѣніемъ. Человѣкъ всегда собственный разумъ принимаетъ мѣрою разсудка человѣческаго, между тѣмъ какъ высшее назначеніе разсудка именно состоитъ въ томъ, чтобы не слишкомъ довѣрять себѣ, или, лучше сказать, придерживаясь крѣпко своихъ идей, понимать, объяснять, извинять идеи всѣхъ другихъ.

Но самый справедливый умъ, самое точное сужденіе, всѣми принятыя положенія, не всегда спасаютъ отъ пристрастія. Чувствительность можетъ совратить съ настоящаго пути разсудокъ, потому что умъ часто подчиняется сердцу. Чтобы быть безпристрастнымъ, не должно ли быть чуждымъ всякаго предубѣжденія, держать равновѣсіе рукою твердою и препятствовать, чтобы опасенія, надежды, желанія, явныя или